

ЭО, 2008 г., № 6

© **О. В. Горшунова**

"ТЕРРА ИНКОГНИТА" ЙОАНА КУЛИАНУ

"Идея существования скрытого знания, превосходящего знание...
растет и укрепляется в умах людей при понимании ими
неразрешимости многих стоящих перед ними вопросов и проблем".

Успенский П.Д. Новая модель Вселенной

В 1996 г. в Италии мне по случаю попала в руки книга американского автора Теда Энтона¹ "Эрос, магия и убийство профессора Кулиану" (*Anton 1996*)². Будучи написана в духе классического детектива, она основана на реальных фактах: это результат многолетнего журналистского расследования и цикл биографических очерков, рассказывающих об удивительной судьбе и загадочной смерти хорошо известного в Новом и Старом Свете религиоведа и писателя Йоана Кулиану, трагически погибшего в 1991 г. Получив экземпляр книги, присланный автором моему коллеге – профессору Университета Салерно Д. Касадио, лично знавшему И. Кулиану, я по возвращении в Москву прочитала ее. Некоторые факты биографии Кулиану и обстоятельства его смерти шокировали. История жизни этого человека, как лакмусовая бумага, проявляет ситуацию, до боли знакомую многим нашим ученым не понаслышке, обнажая проблемы, которые у всех на слуху: взаимоотношения науки и власти, причины "утечки мозгов" и судьбы эмигрантов из бывшего соцлагеря, оказывающихся в плену собственных иллюзий и веры в западный миф, взаимоотношения внутри самого научного сообщества с его интригами и прочими сложностями.

Иными словами, в книге есть все, что "наболело", но на что мы часто закрываем глаза, стесняясь говорить об этом откровенно и публично, и что лишь иногда скороговоркой упоминается в СМИ и на собраниях нашего научного сообщества.

Разумеется, данная статья не претендует на освещение этих проблем. Моя задача скромнее – рассказать о незаурядной личности, талантливом ученом современности, который, как говорят сегодня, сделал себя сам, став человеком-легендой, для многих – символом свободомыслия, который, как и многие его предшественники, жившие в эпоху Ренессанса и бывшие предметом его исследований, поплатился за это жизнью.

В то время, как за рубежом труды Кулиану регулярно издаются и переводятся на различные языки, во многих странах проводятся конференции, публикуются книги и статьи об ученом и его творчестве, в России о нем и его работах почти ничего не известно даже специалистам в области религиоведения³. Эта первая в России статья, посвященная Йоану Кулиану, написана в надежде привлечь внимание специалистов, издателей и более широкой аудитории к его творчеству. Она основана на материалах, которые "пришли" разными путями, главным образом во время зарубежных поездок, в том числе на конгрессы Международной ассоциации истории религий (IAHR), в которой в свое время состоял Кулиану, в период моего полугодового пребывания в 2003 г. в Гарвардской Богословской школе, в Центре изучения мировых религий (CSWR), возглавляемом в это время Лоуренсом Саливаном, который был дружен с Йоаном, помогал ему, когда тот приехал в США, и написал предисловие к последней книге Кулиану, опубликованной уже посмертно (*Culianu 1991*). В статье использованы публикации о

Ольга Вениаминовна Горшунова – кандидат исторических наук, докторант Института этнологии и антропологии РАН.

Кулиану, его собственные труды, работы других авторов, а также переписка Й. Кулиану с М. Элиаде и содержание моих бесед с зарубежными коллегами, знавшими Кулиану, прежде всего с профессором Д. Касадио, за что я выражаю ему свою особую признательность.

Из тени отравленного прошлого

В ходе расследования убийства Йоана Кулиану полиция г. Чикаго обнаружила на столе его кабинета в Школе богословия Чикагского университета три ореха, привезенные кем-то с его родины – из Румынии, с дерева в саду, где он часто играл в детстве. Друзья говорят, что в последние годы он нередко с ностальгией вспоминал родной город Яссы, его тенистые аллеи, извилистые мощеные улочки и с восторгом восклицал: "Вот увидишь, мы устроим такой праздник!" (с невестой, Х. Виснер, он обсуждал запланированную поездку в Румынию, первую за долгие годы эмигрантской жизни).

Йоан Кулиану родился 5 января 1950 г. в семье интеллигентов-аристократов, хорошо известной в городе и игравшей большую роль в культурной жизни местной элиты. Его дед, как и прадед, был ректором университета в Яссах, одного из старейших в Румынии; отец – юрист и математик – тоже работал в этом университете и был заметной в интеллигентских кругах фигурой до тех пор, пока не потерял все, включая работу, а в конечном итоге и жизнь, после прихода к власти коммунистов. Не выдержав преследований, он помешался рассудком и умер на 51-м году жизни, когда Йоан был еще ребенком. Кулиану не без гордости рассказывал друзьям о былом благополучии своей семьи, хотя всего этого он уже не застал. Всё, что он помнил из детства, – несколько тесных, пропахших гниющей обивкой комнат, в которые семья вынуждена была переселиться из большого дома, экспроприированного новой властью. А еще сад с ореховыми деревьями, окруженный высоким забором, где он играл в одиночестве, изолированный от детей из "благонадежных" семей.

Не получив от состоятельных предков каких-либо материальных благ, Йоан унаследовал от них нечто более важное – страсть к познанию. Вопреки сложным обстоятельствам и благодаря своим способностям он в 1967 г. поступил в Бухарестский университет на факультет иностранной литературы, где занимался классическими языками (латинский, древнегреческий) и древними культурами, а также санскритом и индийской философией. Особый интерес юноша питал к философии и религии итальянского Ренессанса, что нашло отражение в его дипломной работе "Марсилио Фичино и платонизм эпохи Ренессанса" (1972). Вместе с двумя его более ранними работами о философии и магических аспектах творчества Джордано Бруно она легла в основу одного из его главных трудов – "Эрос и магия эпохи Ренессанса", который впервые был опубликован на французском языке (*Culianu* 1984) и позднее переведен на другие языки⁴.

Рано проявившийся яркий талант Кулиану как исследователя не остался незамеченным – ему прочили "звездное" будущее. Он был молод, но достаточно амбициозен, уверен в себе, знал цену своим способностям и был полон желания реализовать их во что бы то ни стало. Тогда казалось, что он сможет одолеть проклятие, обрушившееся на семью, и найти себе достойное применение. Однако перед окончанием университета случилось то, что затмило едва пробившийся луч надежды. Его, как и других отличившихся выпускников, пыталась завербовать тайная полиция (Секуритате). Он стоял перед выбором: пойти на сделку с совестью или отказаться от того, к чему чувствовал призвание. Отвергнув предложение сотрудничать с Секуритате, он оказался в том же положении, что и его отец, – после окончания университета не мог получить работу по специальности и публиковаться. Несомненно, способный молодой человек нашел бы себе применение в другой сфере. Однако наука была не только его призванием. Он

должен был продолжить дело предков – деда и прадеда, с которыми всегда ощущал внутреннюю связь. Конечно, ему хотелось, чтобы им гордились мать и сестра, которых он беззаветно любил. Но главное – успех (и не просто успех, ему надо стать лучшим!). Он был для него своего рода вызовом системе, протестом и реваншем за гибель отца, за его собственное, как он говорил, "отравленное прошлое". В этой ситуации оставался лишь один выход – уехать из страны. В 1973 г. такая возможность появилась: Йоан получил грант от Министерства иностранных дел Италии на кратковременную (летнюю) стажировку в Итальянском университете для иностранцев в г. Перудже.

Во втором издании "Энциклопедии религии", издававшейся в первый раз под редакцией М. Элиаде, говорится, что пребывание Кулиану в Италии было успешным. Он часто публиковался в журналах "Aevum" и "Studi e materiali di storia delle religioni", написав множество статей и рецензий, касающихся различных областей истории религии и методологии исследований религий. Последующее направление его исследований прослеживается по статьям, опубликованным в престижных журналах "Numen" и "Revue de l'histoire des Religions" (Ciurtin 2005: 2079–2081).

В 22 года Кулиану стал "невозвращенцем", пройдя через тернии и добившись успеха, которому завидовали его коллеги – молодые итальянцы, не сталкивавшиеся с культурно-языковыми, сугубо бытовыми и прочими трудностями эмигрантской жизни. Стажировка была короткой, но этого времени оказалось достаточно, чтобы понять – шансов остаться в Италии на легальном положении, а, следовательно, получить то, к чему он стремился, почти не было. Впереди его ожидали бездомная жизнь и полуголодное существование. Впрочем, не эти проблемы его волновали тогда. Мучительным было осознание того, что он сжигал все мосты: обратного пути в Румынию нет. Он знал, что, вероятно, уже никогда не увидит мать и сестру и что его "предательство" может иметь и для них печальные последствия.

Был последний день его стажировки в Италии. Другие румынские стажеры паковали чемоданы. Приехавшая с той же целью в Италию одна из соотечественниц Кулиану, его друг, рассказывала, что с первого до последнего дня пребывания в Италии он мучительно думал над решением, от которого зависела судьба его самого и близких ему людей. Срок стажировки продлили на пару месяцев, однако все же пришел день, когда следовало принять бесповоротное решение. Он остался в Италии, и жизнь его тут же изменилась. Лишившись права дальнейшего пребывания в стране, он вместе с тем лишался и всего остального – жилья, средств к существованию, нормальных условий для научной работы и т.д. Иногда знакомые итальянцы предоставляли ему временный кров, но в конечном итоге, как обычный *émigré*, он оказался в римском лагере для беженцев. Репетиторство, мытье посуды в ресторанах, чистка общественных туалетов... К этому ли он стремился? Во имя чего такие жертвы? Надежда еще была, хотя и слабая: он писал проекты и отправлял их в различные итальянские университеты в поисках возможности продолжить дело, которому собирался посвятить всего себя. Но мысль о том, что цель не только не приближалась, но отдалялась, удручала. Иногда он впадал в депрессию, и в один из таких моментов случилось то, чего он боялся больше всего. Из Румынии пришло известие о неприятностях в семье. Мать и сестра "невозвращенца" потеряли работу. Это было последней каплей. Кулиану предпринял попытку самоубийства: вскрыв вены на обоих запястьях, он чудом остался жив. Подробности этой истории неизвестны; Кулиану не рассказывал об этом даже тем, с кем был дружен, и всегда носил рубашки с длинным рукавом, тщательно скрывая следы.

Времена меняются

"Tempora mutantur..." (Времена меняются...) – любимое выражение оптимистичных итальянцев, которое, возможно, слетело с уст Кулиану, когда наступил новый пово-

рот в его жизни. В ноябре 1974 г. он узнал, что успешно прошел конкурс и получил стипендию от Итальянского национального совета по исследованиям для продолжения образования в одном из престижных гуманитарных вузов страны – Миланском католическом университете Сакро Куоре (*Universita Cattolica del Sacro Cuore*). Ему уже не надо было думать о своем статусе, о том, как выжить (помимо стипендии он получал жалованье, поскольку его взяли на должность помощника профессора). Но главное – у него появилась возможность двигаться к цели.

Расположенное в бывшем бенедиктинском монастыре Сан Амброджио здание университета с его величественными колоннадами галерей, образующих внутренние живописные дворики, многочисленными скульптурами святых и фресками эпохи Ренессанса все еще хранит аромат прошлого, сочетающий в себе нечто мистическое и возвышенное. Находясь там во время поездки на конференцию, глядя на все это великолепие, я пыталась представить, что ощущал в стенах "Святого сердца" человек, который совсем недавно был в полном отчаянии, не видя выхода из тупика. Невольно вспомнилась прочитанная в одной статье фраза коллеги и друга Й. Кулиану Ф.Е. Рейнольдса: "У него были все основания чувствовать себя на вершине мира. Перед ним открылось все". Хотя сказанное относилось, видимо, к его американскому периоду жизни, когда он уже был известным в мире специалистом-религиоведом, взлет его научной карьеры начался именно отсюда, из Сакро Куоре. Здесь Йоан занимался греческим языком, ивритом, но более всего – историей религий, посещая лекции по гностицизму современного итальянского "классика", проф. Уго Бьянки, который сделал его своим помощником. Почти сразу он начал работать над докторской диссертацией под руководством того же Бьянки, защитив ее уже через два года. Диссертация "Гностицизм и современная философия: Ганс Джонас" легла в основу его монографии, изданной в Риме 1985 г. под тем же названием (*Culianu* 1985).

Хотя этот этап был очень успешным и продуктивным, очевидцы говорят, что Кулиану почти всегда был замкнут, грустен, очень редко и мало говорил о личном даже с теми, с кем был дружен; его не видели на вечеринках в университете. Правда, неожиданно он становился общительным и оживленным, когда встречал кого-нибудь из соотечественников. Когда на конференции появлялся румын, вспоминает Д. Касадио, он забывал обо всех, никогда не оставался с участниками на фуршет или банкет, а уединялся с гостем для частной беседы где-нибудь в баре.

В 1976 г. Кулиану покинул Италию и уехал в Нидерланды, где преподавал в Институте романской филологии г. Гронингена историю религий, историю культуры Румынии, посещал курсы лекций по магии проф. Г.Г. Киппенберга. В Нидерландах он провел в целом 10 лет жизни. Именно здесь он работал над двумя последующими диссертациями под руководством известного французского историка и антрополога религий проф. Мишеля Меслина, с которым познакомился в Ланкастере в августе 1975 г. на конгрессе Международной ассоциации истории религий. Обе диссертации защищались в Сорбонне. Одна из них связана с темой экстатических техник и символики путешествий в иные миры, которые рассматриваются в широком культурно-временном диапазоне – от эллинизма до ислама ("Expériences de l'extase et symboles de l'ascension, de l'Hellénisme à l'Islam", защищена в 1980), другая представляет собой исследование дуализма на основе анализа западной мифологии ("Recherches sur les dualismes d'Occident: Analyse de leurs principaux mythes", защита состоялась в 1987). В тот же период были опубликованы две его монографии на французском языке, пополнившие список основных работ Кулиану, которые впоследствии были переведены на итальянский язык⁵.

Эти 10 лет были насыщены событиями, связанными не только с его научной деятельностью. В Нидерландах он познакомился с румынской эмигранткой Кармэн и женился, но их союз оказался не прочным. В 1986 г. он встретил другую женщину – американку, студентку Гарвардского университета Хилари Виснер, которая позднее стала

его невестой и соавтором ряда работ. В последние годы пребывания в Европе он много ездил по миру, но, как отмечали его коллеги, все реже появлялся на европейских конференциях. Все чаще его видели в США – в Чикагской богословской школе, возглавляемой тогда его знаменитым соотечественником Мирчей Элиаде.

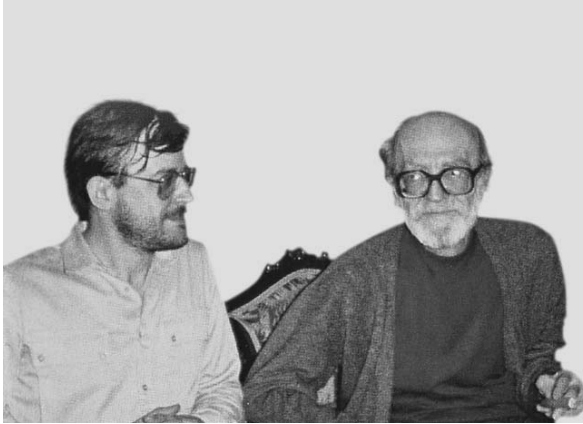
Слепящее солнце гуру

Своей блистательной карьерой, помимо необычайных способностей и личных качеств, Кулиану обязан ряду выдающихся ученых, с которыми ему довелось работать, в том числе под их руководством, в различных странах мира. Но главным его мэтром стал Мирча Элиаде – "интеллектуальный гуру мировой величины", как его называют на Западе. Встреча с ним в 1975 г. сыграла ключевую роль в жизни молодого ученого, но история их взаимоотношений, не лишенная драматизма и вопросов, на которые нет простых ответов, началась раньше.

Формирование Кулиану как ученого и как личности происходило под сильным влиянием "элиадизма". Несмотря на табу, наложенное румынской цензурой на публикации М. Элиаде, Йоан находил возможность изучать ранние труды опального учено-эмигранта еще до поступления в университет. В студенческие годы, когда он уже точно знал, как собирается распорядиться своей дальнейшей жизнью, и круг его интеллектуальных запросов был предельно ясен, его отношение к Элиаде было, очевидно, таким, какое часто возникает у молодого исследователя к ученой знаменитости, которая становится его путеводной звездой. Не случайно дипломная работа Кулиану тематически была очень близка диссертации Элиаде на соискание степени магистра, которая также была посвящена философам итальянского Возрождения – от Марсилио Фичино до Джордано Бруно. Если сравнивать направления их научных поисков, можно сказать, что Кулиану буквально шел по стопам своего кумира. Темы, проходящие "красной нитью" в его работах, начиная с самых ранних – эрос, магия, смерть, экстатические техники и путешествие в иные миры и многие другие – были основными в творчестве Элиаде. Показательно и то, что первой монографией Кулиану была его книга "Мирча Элиаде", изданная в Италии в 1978 г. (*Culianu* 1978)⁶.

Параллели в жизни этих двух людей можно увидеть не только в области профессиональной. Элиаде и во многом другом (если не сказать больше) был для Кулиану образцом, примером для подражания, чью судьбу, осмелюсь предположить, он пытался повторить, принимая решение покинуть Румынию. Не только вынужденные обстоятельства, но и восторг, желание приблизиться к "светилу", кажущемуся недостижимым и таким влекущим, заставляло его двигаться к цели, невзирая на последствия, – так в нескольких словах можно охарактеризовать то, что значил Элиаде для Кулиану. Юноша мечтал о встрече с "гуру" и верил в то, что тот когда-нибудь "в реальности" станет его учителем и наставником; он надеялся, что кумир примет участие в его судьбе. По приезде в Италию молодой исследователь написал письмо Элиаде и с нетерпением ожидал ответа. (По некоторым сведениям, Кулиану написал мэтру еще раньше, из Румынии, и даже получил обнадеживающий ответ.) Когда срок стажировки уже подходил к концу, долгожданное письмо было получено. Однако вместе с ним пришло и освобождение от иллюзий: Элиаде желал молодому человеку успеха, в вежливой форме дав понять, что ничем помочь не может. Потрясение было сильнейшим, ведь это был единственный шанс и самое весомое "за", которое перевешивало всевозможные "против", когда Кулиану принимал самое трудное в своей жизни решение. Но это обстоятельство не изменило его отношения к Элиаде; преданность кумиру он сохранит навсегда, даже в самые горькие минуты разочарований.

Впервые они встретились в Школе богословия Чикагского университета, куда Кулиану, аспирант Миланского католического университета, отправился на четырехмесячную стажировку. С того времени их отношения – профессиональные и личные –

Й. Кулиану с М. Элиаде

становились крепче, несмотря на то, что еще долгие годы после первой встречи их разделял океан. Как-то в разговоре со мной о Кулиану один зарубежный ученый обронил такую фразу: "Без Элиаде не было бы Кулиану". Возможно это так, но история, как известно, не знает сослагательного наклонения. К тому же Йоан обладал феноменальными способностями и во многих вопросах не уступал своему учителю. Он свободно владел восемью языками (как и Элиаде), был специалистом в различных областях знания помимо религиоведения – это антропология, когнитивистика, лингвистика и филология, философия, политология и др. Дожив до своего 41-го дня рождения, он успел защитить три диссертации, стал автором около 20 книг и сотен статей, огромное научное значение которых у специалистов не вызывает сомнений. Коллекция его работ, издающаяся сейчас в Румынии, предположительно составит 40 томов. Не стоит сбрасывать со счетов и тот вклад, который внес Кулиану в "дело жизни" самого Элиаде. Практически сразу после их встречи в США и до последнего дня своей жизни он занимался изданием трудов учителя, писал рецензии на его книги и статьи, заканчивал то, что не успел сделать Элиаде при жизни. Вместе с тем было бы, по меньшей мере, неосмотрительно рассматривать отношения этих двух людей сквозь призму общих, сугубо профессиональных интересов. Эти отношения гораздо сложнее, глубже, личностнее. Кулиану был не просто учеником, а "любимым" учеником, о чем Элиаде много раз говорил и писал в своих мемуарах (*Eliade* 1990), в предисловиях к книгам Кулиану (*Culianu* 1978, 1987). Позднее ученик стал коллегой и доверенным лицом. "Мое восхищение Кулиану искренне и безгранично", – говорил Элиаде (цит. по: *Casadio* 1993: 8). Еще в 1983 г. он назначил Кулиану своим литературным душеприказчиком (*literary executor*), о чем сообщил ему за три года до своей смерти⁷. В 1986 г., когда дни Элиаде были сочтены, Кулиану приехал в Чикаго в качестве приглашенного профессора Школы богословия и остался здесь навсегда. В апреле того же года, в последний день жизни Элиаде, Кулиану был единственным, кто находился подле смертного ложа мэтра.

Эту историю двух людей можно было бы назвать идеальной, но ничего идеального, как известно, в нашем мире не бывает. И в отношениях ученика и учителя была ложка дегтя: связь последнего с "Железной гвардией" – ультраправой румынской организацией, идеология которой сочетала в себе фашизм, мистику, христианские идеи, а деятельность основывалась на терроризме, погромах (прежде всего евреев), политических убийствах и т.д.

Тот факт, что Элиаде был причастен к движению гвардейцев, сегодня почти ни у кого не вызывает сомнений. Одни считают, что он был главным идеологом движения, его вдохновителем. Сами гвардейцы называли Элиаде "нашим". Другие полагают, что слухи о его ключевой роли в этом движении слишком преувеличены, и сам Элиаде был введен в заблуждение его учителем, Нае Ионеску, о котором будет сказано ниже.

Известно, что в 1938 г. Элиаде по политическим мотивам был сначала отстранен от работы в Бухарестском университете, а затем арестован и заключен в концентрационный лагерь, когда король Румынии Кароль II начал борьбу против "Железной гвардии" (*Garda de Fier*), в содействии которой ученый подозревался. Известно также, что Элиаде отказался подписать публичное отречение от "Железной Гвардии". Несколько месяцев спустя у него возникли серьезные проблемы со здоровьем, и он был переведен в клинику в Мороени из-за подозрения на туберкулез, а 12 ноября 1938 г. освобожден без каких-либо обвинений.

В середине–конце 1970-х годов, именно в то время, когда между Кулиану и Элиаде завязываются отношения, прошлое "гуру" дало о себе знать. В различных европейских изданиях появились публикации, в которых Элиаде обвинялся в причастности к "Железной гвардии". В 1976 г. в "Энциклопедии Европы", изданной в Италии, в статье об Элиаде (без имени автора) ученый был выставлен "одним из самых ярких защитников... традиционного права в гуманитарных науках" (*Enciclopedia* 1976: 449), в другом энциклопедическом издании, вышедшем в следующем году также в Италии, Амброджио Донини, автор статьи "Феноменология религии", назвал его антисемитом и фашистом (*Donini* 1977: 189). Нападки не прекращались и в последующие годы. Элиаде довольно вяло реагировал на все это, но Кулиану, который верил в непогрешимость учителя, был серьезно озабочен и расстроен. Сначала намеками, затем открыто он пытался вызвать Элиаде в своих письмах на откровенность: писал, что этот вопрос необходимо прояснить и прокомментировать в приложении к готовящимся в то время к публикации трудам Элиаде, редактором и рецензентом которых был Кулиану.

Смутные подозрения сменяла иногда уверенность. Так, Кулиану смущали некоторые совпадения, обнаруженные им в мифологии "Железной гвардии" и работах Элиаде. Читая сочинение К. Кодряну "Pentru legionari" ("Гвардейцам"), присланное ему Хорией Стамату, как говорят, по совету самого профессора, Кулиану пришел к выводу, что рассказ Элиаде "Великий человек" (*Eliade* 1969) был аллегорическим портретом Кодряну, а его роман "Запретный лес" (*Idem* 1971) – это история создания движения. Литературные произведения профессора отзывались эхом в истории "Железной гвардии". 10 января 1977 г. в своем дневнике Й. Кулиану записал: "Читаю *Pentru legionari* в полном отчаянии: его безумный антисемитизм ужасен". Касаясь мучительного для него вопроса, он пишет: «...я не могу согласиться с ним (Элиаде. – О.Г.)... я нахожу идеологию "Железной гвардии" столь же отвратительной, как и коммунистическую. Они так похожи... Неожиданность, что М.Э. (Мирча Элиаде. – О.Г.) был сторонником тоталитарного движения и остался преданным своей мифологии, переполняет меня горем...». Но даже после "прозрения", находясь в подавленном состоянии, он записал дней 20 спустя в своем дневнике: "И все же я так его люблю, несмотря ни на что" (*Eliade, Couliano* 2004: примеч. 2). Он не лукавил, когда называл Элиаде "величайшим ученым", и был искренен в своем стремлении "докопаться" до истины, как бы та ни была ему отвратительна.

В мае 1979 г. он отправил из Гронингена очередное письмо профессору, в котором сообщал о скандальных публикациях, появившихся опять же в Италии, с очередными обвинениями в адрес Элиаде. Итальянский германист, историк и писатель Фурио Дже-си, рассуждая в книге "Культура правых" о терроризме в Италии как об "эманации" политики правых, утверждал, что Элиаде в этой "культуре" играл более разрушительную роль, чем Эвола⁸ (*Jesi* 1979). В статье Энрике Филиппине, опубликованной в "La Repubblica" в том же году, эта тема также была озвучена. Кроме всего прочего, в ней

утверждалось, что "профессор М.Э. сдавал румынских евреев СС, тем временем занимаясь написанием серьезных книг по истории религий" (*Filippini* 1979). Называя эти обвинения безумными, глупыми и необоснованными, Кулиану пишет в письме Элиаде: "...я все же задаю себе вопрос – откуда он взял эту (несомненно, ложную) информацию?" (*Eliade, Couliano* 2004: Letter 64. May 11, 1979).

Желая знать всю правду и проявляя настойчивость, Кулиану вряд ли хотел "вывести на чистую воду" своего учителя, которого не просто уважал, но ставил выше всех, кого когда-либо знал. Он был убежден, что его "самый уважаемый Профессор", как он всегда обращался к нему в письмах, должен публично опровергнуть слухи. Нападки некоторых авторов, скомпрометировавших себя симпатией к коммунистам или связями с "тоталитарными режимами", в частности упомянутый Донино⁹, не могли пошатнуть его веру в учителя. Он не верил даже своему другу и коллеге Роберту Сканию, написавшему диссертацию об исследованиях Элиаде¹⁰. Кулиану считал, что эта работа "необходима" для глубокого понимания творчества и мировоззрения учителя (*Culianu* 1998: 27). Но Сканию все же выявил некоторые факты, позволившие ему говорить о былой связи Элиаде с "Железной гвардией"¹¹. С этим Кулиану не мог согласиться.

Пролить свет на прошлое мог только один человек – сам Элиаде, единственный, кому Кулиану безоговорочно верил. Его попытки вызвать учителя на откровенность какое-то время оставались без внимания, но однажды Элиаде заговорил... Он написал, что его связь с "Железной гвардией" была опосредованной, через Нае Ионеску¹², и никак не повлияла ни на его мышление, ни на его работы. Эти слухи, как он утверждал, явились предложом, чтобы отстранить его от участия в Конференции в университете, и что в период 1944–1968 гг. он был жертвой клеветы и на родине, и за рубежом. В то же время он не был категоричен в оценке деятельности гвардейцев и их лидера. Вот несколько цитат из его письма Кулиану от 17 января 1978 г.: «Я не особенно доволен ссылками относительно К.З.К. (Корнелиу Зеля Кодряну. – О.Г.), поскольку это может вызвать недоумение... не знаю, что и думать; он был, конечно, честным человеком и сумел привести целое поколение в чувство; но поскольку ему не хватало политической проницательности, он также допустил лавину репрессий..., обезглавившую целое поколение, которое он "привел в чувство"...» (*Eliade, Culianu* 2004: Letter 40, Jan. 17, 1978).

Ответы Элиаде не были убедительными и точными, когда речь шла о его политическом прошлом. Он так и не сказал Кулиану всего, что тот ожидал услышать, но дал ему возможность узнать всю правду: после смерти мэтра Кулиану, как его душеприказчик, получил доступ к личному архиву покойного. Со слов Д. Касадио, когда Кулиану спросили, какова доля истины в слухах о прошлом Элиаде, он ответил: "Больше, чем мне бы того хотелось". Был ли жест Элиаде высшим проявлением доверия и искренности? А может быть, это был акт раскаяния? Об этом можно лишь догадываться.

Вообще Мирча Элиаде никогда не отрекался от того, что когда-либо писал, никогда не признавался (во всяком случае, публично) в своих политических "грехах". Но столь харизматичную личность не могла не волновать собственная репутация не только прижизненная, но и в особенности посмертная. Возможно, именно поэтому в диалоге со своим учеником он всячески обходил неудобную для себя и "больную" для Кулиану тему и когда речь шла о его собственной политической судьбе, и когда возникали вопросы о прошлой и современной истории Румынии. "Я чувствую дискомфорт, когда речь идет о моих политических взглядах", – признавался он, ссылаясь на то, что "полный отчет" по этому вопросу занял бы сотни или даже тысячи страниц, и что у него нет ни времени, ни желания делать это. Он не только не проявлял большого желания касаться всех этих вопросов, но и пытался увести Кулиану от скользкой темы: «Не думаю, что кто-либо может написать объективную историю движения "Железной гвардии" или нарисовать портрет К.З.К. Доступных документов недостаточно...» (*Ibid.*).

Действительно ли так думал ученый, который только тем и занимался всю жизнь (и делал это великолепно), что пытался найти ответы на сложнейшие исторические вопросы, которые невозможно осветить на основании документов из-за их отсутствия?

В своем послании Кулиану от 13 февраля 1978 г. он пишет: «Я знал уже в 1938 г. (и я говорил об этом – но только друзьям!), что наше поколение было обделено политической судьбой (в отличие от поколения наших отцов, которые создали "Великую Румынию"). Если бы я знал, что тебя заинтересует этот вопрос, то показал бы, когда ты был в Чикаго, все статьи, которые я опубликовал в период эмиграции в 1946–1960 гг. Хотя меня так же, как всех остальных, волновало то, что происходило в нашей стране, и я выступал против действующего режима, мой взгляд на проблему был таковым: эмигранты не могут сделать ничего, что могло бы непосредственно повлиять на политическую ситуацию; наше единственное "политическое оружие" – культура; все, что создано румынами, что действительно значимо, – это шанс выжить... поскольку в стране (речь идет о Румынии. – *О.Г.*)... история, филология, литературная история и т.д. фальсифицированы, наша задача "делать науку" и говорить то, о чем ученые в стране не могли говорить». В конце того же письма он добавляет: «Постарайся сохранять нейтралитет, и держись на расстоянии от итальянцев (и даже голландцев). Твое призвание и судьба предназначены для "других горизонтов". Ты должен любой ценой закончить и опубликовать свою диссертацию» (*Ibid.* Letter 41, Feb. 13, 1978).

В этих строках, настойчивом и одновременно деликатном наставлении, в желании "перевести стрелку" можно почувствовать ноту беспокойства Элиаде, его опасение – не за собственную репутацию, а за судьбу Кулиану, стремление отвести его от возможной беды. Это особенно чувствуется в строках того же письма, где он пишет: «"объективное" отношение (к истории Румынии. – *О.Г.*) может оказаться фатальным для автора, который попытался бы это сделать... После Бухенвальда и Аушвица даже честные люди уже не могут позволить себе быть "объективными"». Очевидно, Элиаде знал гораздо больше о современном состоянии дел (о политической ситуации в Румынии, о страстях, бушующих в среде румынских эмигрантов за рубежом, о том, насколько опасны игры на этой политической арене), чем мог сказать об этом человеку, которым дорожил, понимая, что "вся истина" может его погубить не в переносном, а в буквальном смысле слова.

Игра ума

Диапазон профессиональных интересов Кулиану, касающихся различных аспектов истории и феноменологии религии, очень широк, но основное его внимание было сфокусировано на некоторых сложных и чрезвычайно интересных темах: экзотические техники в различных религиозных практиках, оккультизм, гностицизм, мистический дуализм и т.д. Эти "вечные" темы в его работах получили новое звучание благодаря оригинальной и до сих пор далеко не всегда одобряемой консервативно настроенной частью гуманитарного бомонда (историками религии в основном) трактовке источников и очень смелой методологии с использованием подходов, теорий естественных и других дисциплин для объяснения исторических процессов и феномена религии. Много нареканий вызвала его работа "Мифы западного дуализма", первоначально изданная в Италии (*Culianu* 1989)¹³, в которой автор бросил вызов "старой школе", утверждая, что исследовать исторические корни дуалистических мифов в разных культурах абсолютно бесполезно, так как природа самого принципа дуализма, который является и "принципом функционирования", и "принципом производства" и т.д., универсальна. Иными словами, дуализм существует сам по себе, независимо от каких-либо мифических "воплощений", как априорная структура, запущенная механизмом мышления. Отталкиваясь от идей Элиаде, который еще раньше установил связь между дуалистической мифологией и системой бинарной классификации, Кулиану прак-

тически пришел к заключению, что дуалистическое видение – не что иное, как логическое следствие работы мозга, состоящего из двух полушарий.

В поиске ответа на извечный вопрос "что есть религия?" он путем скрупулезного сравнительно-исторического анализа гетерогенных по своей форме моделей религиозно-мифологического видения, мистических образов и эзотерических практик, исследуя явления не только традиционные, но и те, что относятся к так называемым религиям Нового века (*New Age religions*), все больше приходит к выводу о необходимости изучения феномена религии как системы универсальной, объяснение которой невозможно без использования методов точных и естественных наук, особенно тех, которые связаны с исследованием процесса мышления¹⁴. В то же время он призывает не относиться скептически к достижениям "предшественников" современной науки – магии, гностицизму и т.д. В предисловии к первой главе своей последней книги, посвященной исследованию истории постижения Вселенной через мистические практики (экстатические путешествия в "иные миры", различные формы измененного состояния сознания, состояния, близкого к смерти, и т.д.), он говорит, что физики и математики в значительной степени ответственны за то, чтобы вернуть интерес к методам мистического познания мира. Они – предшественники – уже сделали шаг вперед, утверждая, что эта видимая Вселенная – лишь условность, основанная на нашей восприимчивости, и что удивительные, невообразимые миры спрятаны в мелких частицах, возможно, даже в близком пространстве, окружающем нас (*Culianu* 1991: 12).

Благодаря оригинальным идеям, нестандартному подходу к исследованию религии, не говоря уже о глубочайшей эрудиции и литературном таланте, Кулиану стал одним из самых читаемых в США современных "академических" авторов. Но, пожалуй, наиболее важным фактором популярности его трудов среди широких масс было то, что отличало его от других историков религии и что сделало его объектом критики со стороны "консерваторов" – страсть, с которой он придавался своему занятию, предмету своего исследования. Резонно задать вопрос: каково было личное отношение Кулиану к религии? Мнения по нему полярно расходятся даже среди хорошо и давно знавших его людей.

Единственное, в чем сходится большинство – он не был "верующим" человеком в привычном понимании этого слова. Йоан происходил из еврейской семьи, знал иврит и много писал об иудаизме. Но, разговаривая с людьми, знакомыми с ним лично, мне ни разу не довелось слышать о том, что он был иудеем по своим убеждениям. В Италии ходили слухи, что Кулиану собирался стать католиком, когда работал у профессора Уго Бьянки. Однако, как сказал мне Д. Касадио, писавший диссертацию под руководством того же профессора в то же время, что и Кулиану, "это полный бред: Уго Бьянки был ревностным католиком и критиковал Кулиану как раз за его взгляды и методы, которые противоречили его (Бьянки) религиозным убеждениям".

Многие полагают, что Кулиану был скорее светским человеком. Ему не были чужды маленькие человеческие слабости: как говорят, он "любил быть хорошим потребителем", любил красивые вещи и заказывал их по глянцевым каталогам, ценил хорошее итальянское вино, был галантен с женщинами, нравился им и отвечал им взаимностью. К тому же, как говорят некоторые, по его собственному определению, религия – это не что иное, как просто "игра ума". Но можно ли допустить, что столь незаурядная личность, человек с глубоким и тонким внутренним миром не верил, что называется, ни в Бога, ни в черта? И что в его понимании означало "игра ума"?

Среди коллег Кулиану и тех, кто исследовал его работы, широко бытует мнение, что он не просто интересовался мистицизмом, оккультизмом, магией и т.д., но и сам был мистиком, оккультистом, магом. Т. Энтон в своих статьях и книге о Кулиану пишет, что профессор проводил сеансы со студентами и аспирантами, на которых демонстрировал мастерство предсказателя, используя старинные карты и различные "магические" техники. Его "прогнозы" поражали точностью даже самых скептически

настроенных людей. В одном из эпизодов книги Т. Энтон рассказывает, как Кулиану раскрыл секреты одной из своих студенток – озабоченность карьерой, которую та тщательно скрывала от других, и оскорбленные чувства из-за любовного треугольника, в который она попала. Это было точное попадание в цель и "ударило меня, как порыв ветра", как призналась студентка. Т. Энтон, ссылаясь на свидетельства студентов и аспирантов, пишет, что Кулиану во время лекций в Школе богословия призывал учеников отбросить неверие, чтобы стать хорошими "детективами", способными проникнуть в сферу оккультного (Anton 1992). Некоторым косвенным свидетельством, штрихом к его "религиозному" портрету, может быть признание невесты Кулиану Хилари Виснер: "Он изобрел своего рода религию, сосредоточенную на мне..., мои друзья не могли этому поверить".

В статье о Кулиану Д. Касадио пишет, что тот балансировал на опасной грани между изучением религий и практикой собственной религии (Casadio 1993: 8). В разговоре с Касадио, который не только был дружен с покойным профессором, но и хорошо знаком с его творчеством, я поинтересовалась, что он думает по поводу оккультизма Кулиану. "Никакой магической силой Йоан не обладал, он просто был слишком увлечен оккультизмом, эзотеризмом и др. как ученый, – ответил он и, подумав, добавил, – правда, в некотором смысле он предсказал и мою судьбу".

Сам Кулиану об этом не говорил прямо (хотя многие считают, что его действия говорят сами за себя). Однажды кто-то из студентов, бывавший на его сеансах, спросил: "Как это работает?", на что Кулиану ответил: "Это работает, потому что работает". В предисловии к одной из своих книг Йоан вспоминает случай, который произошел с ним в мае 1985 г. в Шамбери во время конференции во Французском исследовательском центре, где он делал доклад на тему "Магия в эпоху Ренессанса". В аудитории оказались три дамы, которые представились "настоящими" ведьмами и обвинили докладчика в том, что он говорит о вещах, о которых не может судить из-за отсутствия собственного опыта в области оккультизма. "Я охотно согласился с этим, – пишет он, – и смиренно попросил их с пониманием отнестись к бедному историку, который лишь выполняет свою работу". Он сообщает также другие любопытные детали, связанные с этим случаем: после этого инцидента несколько человек, присутствовавших в аудитории, потеряли сознание, а у него самого, как и у его коллеги – африканиста Ханса Витте, появилась страшная головная боль, которая не проходила даже после того, как они ушли из конференц-зала. И хотя они с коллегой попытались найти этому случаю рациональное объяснение, исключаящее воздействие магических заклинаний ведьм, Кулиану принял решение "в будущем воздерживаться от подобных лекций" (Culianu 1987: XVI). Этот эпизод дал пищу для размышления как тем, кто считал Кулиану оккультистом, так и их оппонентам¹⁵.

Многие судят о пророческих способностях ученого по его рассказам, написанным в жанре фантастики, и детективным историям, опубликованным в "Exquisite Corpse"¹⁶ в США, а также в журналах других стран мира. В них описываются события, которые имеют поразительное сходство с тем, что впоследствии, через несколько месяцев или лет, действительно происходило. Так, в коротком фантастическом рассказе "Вторжение в Джорманию" (искаженное название Румынии), опубликованном в Италии еще до известных событий в Румынии 1989 г., описывается мятеж, аналогичный тому, что предшествовал перевороту и свержению Чаушеску. Второй рассказ "Свободная Джормания", также опубликованный до известных событий на родине Кулиану, – об уже состоявшейся революции, о том, какую роль сыграла в ней тайная полиция (Culianu 1990). Некоторые детали этой фантастической истории, например, эпизод с показом фильмов, где фигурировали эксгумированные трупы нищих, выдаваемые лидерами переворота (из числа состоявших в тайной полиции, служившей прежнему режиму) за тела убитых повстанцев, совпадают с тем, что в действительности позднее имело место в Румынии (Anton 1992). Главное, что подчеркивают многие, видя в рассказах Ку-

лиану пророческий подтекст, – он знал не только о том, что все это произойдет, но и то, что революция в Румынии окажется на самом деле лишь "псевдореволюцией".

Он писал и об убийствах, которые многие сравнивают с его собственным и считают, что он предвидел свою смерть. Его предчувствие близкого конца некоторые усматривают в странностях его поведения. Х. Виснер незадолго до его смерти заметила, что он был необычно рассеян и расстроен, настаивал, чтобы она не уезжала в Кембридж, и когда смотрел на нее, провожая в аэропорту, выглядел таким подавленным, каким она никогда его раньше не видела. Как будто на его плечах была тяжесть всего мира, как говорила она, думая тогда, что ему просто нужно хорошо отдохнуть. За неделю до смерти Кулиану проводил в Богословской школе Чикагского университета международную конференцию "Другие реальности: смерть, экстаз и путешествие в иные миры в современных исследованиях", где, как сказал его коллега Г.Д. Бетц, он говорил о смерти и загробной жизни как о чем-то близком и знакомом ему (*Casadio* 1993: 7). Действительно, даже при первом взгляде на библиографию Кулиану нетрудно заметить, что исследованию вопросов, связанных с такими понятиями, как смерть, жизнь после смерти, путешествие в иной мир и т.д., он уделял повышенное внимание. К моменту его смерти уже находилась в печати книга, посвященная "путешествию в иные миры" (*Culianu* 1991), еще раньше он опубликовал монографию "Психанодия I: Исследование свидетельств, связанных с вознесением души..." (*Idem* 1983), которую многие считают его главным шедевром.

Конечно, многим его "чудесам" можно, если постараться, найти "реалистическое" объяснение. Предсказания относительно грядущих политических событий в Румынии – (Джормании), как можно догадываться, в значительной степени основывались на его отменном знании истории страны, положения дел и современной политической ситуации, за которой он пристально следил в течение всех лет эмиграции, которую знал "изнутри" и мог анализировать на собственном опыте, на опыте своих близких. Феноменальные аналитические способности и особенно интуиция (о чем многие говорят) также помогали ему делать точные "прогнозы". И предчувствиям собственной скорой смерти можно найти простое объяснение. В ходе расследования обстоятельств его гибели выяснилось, что за некоторое время до трагедии в его жизни начали происходить странные события (за месяц до этого из его дома был похищен компьютер, документы и другие вещи, что, как он признался одному другу, было "предупреждением"), он получал звонки и письма с угрозами в свой адрес (об этом будет сказано ниже).

Что касается его магических сеансов, то надо учитывать, что Кулиану, как специалист в области оккультизма, отлично знал и, можно предположить, испытывал "на себе" различные магические приемы и экстатические техники. Не исключено, что сеансы, которые он проводил со студентами, были отчасти "трюком", рассчитанным на то, чтобы привлечь внимание подопечных к предмету изучения. Иногда в своих опытах прорицателя он попадал в цель, но ведь никто не может знать наверняка, каков был процент этих попаданий. Возможно, ближе всего к истине в вопросе о магии Кулиану подобрался известный американский писатель-фантаст и сценарист Джон Кроули, который познакомился и подружился с Йоаном незадолго до его смерти, но находился под сильным влиянием его работы "Эрос и магия" еще раньше. В статье "Силы тьмы" в газете "Вашингтон пост" он пишет, что Кулиану "был или стремился быть магом: хорошим магом во всех смыслах. Это была игра, но он играл в нее без оглядки" (*Crowley* 1996).

Обычно ученые (за некоторым исключением) пишут о проблемах, которые их либо занимают в познавательном смысле, либо глубоко волнуют в личном плане. Интеллектуальные запросы истинного Ученого всегда являются лишь отражением его экзистенциального мира, индивидуальных устремлений, личного отношения к этому миру и к миру иному. Страсть, с которой Кулиану погружался в невидимую, таинственную сферу "иных миров" и сакрального знания, говорит о том, что это было не-

посредственно связано с его внутренним миром, с его собственным "Я". Однако (многие со мной согласятся) самые сокровенные мысли и выводы в трудах "мыслящих" авторов обычно не лежат на поверхности, они читаются между строк и понятны как бы по фразам, брошенным случайно и неуместно, с точки зрения "непосвященного". Это происходит, как правило, не потому или не только потому, что о сокровенном не принято распространяться.

Одна из главных причин – страх быть непонятым, высмеянным и отверженным даже в своем окружении (традиция, корнями восходящая к временам инквизиции, а возможно, и к более ранним этапам истории, к сожалению, дожившая до сегодняшнего дня). Известно, что Кулиану, как и другие харизматические ученые, обладающие оригинальным мышлением, способным создать нечто, не вписывающееся в "общепринятую" концепцию, а потому для многих не приемлемое, сталкивался с подобными проблемами. В академической среде, в университете, где он преподавал, как сказал мне один из его коллег, было немало тех, кто не принимал его взгляды, с недоверием относился к его увлечению оккультизмом, критиковал его "методы обучения" студентов. Это неприятие порой порождало личную неприязнь. Не случайно после убийства Кулиану один из его студентов обронил фразу: "Вот теперь они счастливы".

Проф. Лауренс Саливан, известный на Западе религиовед, знавший и симпатизировавший Кулиану, объясняет его научные поиски стремлением выявить базовые структуры фанатизма и веры, чтобы найти "шаблон" предсказуемости самого процесса мышления. По мнению другого ученого, профессора религии Кэрола Залесского, основной интерес Кулиану заключался в понимании того, как разумеет и изобретает миры и делает их столь реальными, что они фактически становятся реальностью. Л. Смит в статье "Игры ума: введение в научные исследования Йоана Кулиану" также пишет о поиске теории, которая помогла бы не только объяснить "образцы" мышления прошлого, но и предсказывать будущее (Smith 1992: 32). Его научная "формула", предназначенная для исследования истории религий, должна была основываться на синтезе различных теорий, включая теории хаоса, фракталов¹⁷ и физику Эйнштейна. Его интерес к другим наукам и областям (особенно к психологии и даже нейрофизиологии) был также вызван стремлением объяснить пока еще необъяснимое – универсальность сакрального знания о Вселенной, вышедшего из глубины веков и отразившегося в различных оккультных учениях. Это знание сегодня практически утрачено или воспринимается (в его современных формах) как нечто экзотическое.

Несомненно, Кулиану верил в существование иных миров, в "сверхъестественную" мощь человеческого разума, который способен создавать не только абстрактные, мистические образы, но и "реальности" мира земной цивилизации. Он верил в возможность управлять этой силой и влиять на "этот" мир, который далек от совершенства. Именно в таком контексте следует понимать то, что он называл "игрой ума".

Что его, блистательного молодого ученого, хорошо известного в своей области специалиста в Новом и Старом Свете, человека, который, наконец, обрел счастье в личной жизни, не устраивало в этом мире, что и почему он хотел изменить в нем?

В небольшом фантастическом рассказе "Язык творения" ("The Language of Creation"), опубликованном в журнале "Exquisite Corpse" за месяц до смерти Кулиану, повествуется об одном ученом и истории, которая приключилась с ним, когда он неожиданно стал обладателем странной музыкальной шкатулки. Вещица была необычной – в ней был заключен код языка, на котором говорит Бог, – т.е. языка Творения. Ученый долго пытался взломать секретный код, но это ему не удавалось. К тому же с ним начали происходить всякие неприятности, и он понял, что рано или поздно его постигнет та же участь, что и прежних трех владельцев шкатулки, которые были убиты в прошлые века. Герой долго раздумывал, как поступить, и в конце концов, оставив шкатулку на распродаже, бежал от того, что стало его "интеллектуальной тюрьмой", – страстного, тайного желания изменить несовершенный мир.

В образе героя и других деталях рассказа легко обнаруживаются сходства с реальным человеком – самим Йоаном Кулиану: ученый-историк 40 лет, который преподавал в университете и жил на берегу озера в высотном, хорошо охраняемом доме¹⁸. Если исходить из того, что Кулиану, действительно, подразумевал себя, то можно догадаться, что не устраивало ученого, что он хотел изменить. Герой его рассказа пытался взломать код с единственной целью – уничтожить "отвратительный" политический режим. Иными словами, то, что его не устраивало в "этом мире", было связано с политикой и общественным устройством.

Шкатулка с секретом

Й. Кулиану
в первые годы пребывания в США

Творчество Кулиану сделало его известным при жизни и "человеком-мифом" после смерти, а сама смерть придала ему ореол мученика, святого в глазах многих его почитателей¹⁹. Сообщение в СМИ об убийстве в Чикагском университете произвело настоящую сенсацию – "Первое убийство профессора на американской земле!". В то же время всех, кроме, собственно, того или тех, кто это сделал, интересовал один вопрос: За что был убит профессор?

Убийство, совершенное во время обеденного перерыва 21 мая 1991 г. в здании Богословской школы Университета Чикаго, было дерзким (в соседнем помещении, недалеко от места преступления проходила оживленная книжная ярмарка) и поистине изуверским – оно скорее походило на казнь. Он был убит выстрелом в голову из "Беретты" 25-го калибра в мужском туалете. Полиция разрабатывала несколько версий – от убийства на личной почве (из ревности) до заказного убийства, связанного с общественной дея-

тельностью Кулиану. Хотя к расследованию подключили ФБР и оно находилось в поле зрения правительства США, убийцу так и не удалось найти²⁰.

Т. Энтон, проводивший независимое расследование, а также родственники Йоана Кулиану, его друзья и коллеги – все убеждены в том, что убийство было политическим и совершено (по заказу или непосредственно) последователями дела прекратившей свое существование в Румынии еще в 1940-е годы "Железной гвардии". Многие из участников этого движения, бежавшие из Румынии и нашедшие себе пристанище за границей, в частности в Чикаго, были связаны с тайной полицией (Секуритате) времен правления Чаушеску и до сих пор сотрудничают с органами безопасности Румынии. В последние годы жизни Й. Кулиану написал много политических статей с жесткой критикой не только прежних режимов Румынии, но и действовавшего к началу 1990-х годов. В последние месяцы перед смертью он дал на радио и на телевидении несколько интервью, после которых последовали угрозы и требования "заткнуться". Многие американские друзья Кулиану, пишет Д. Кроули, не знали о том, насколько он был вовлечен в общественную жизнь посткоммунистической Румынии и в какой опасности находился из-за этого (Crowley 1996). О возникавших проблемах он почти никому не говорил и в полицию не заявлял. Но однажды одному из друзей сказал, что в

своих политических выступлениях "вторгся на опасную территорию". Близкие знали о таинственных посланиях и звонках с угрозами (NYT 1993).

Т. Энтон задается вопросом скорее риторического плана: если он знал об угрозе, нависшей над ним, то почему не последовал примеру своего героя, оставив свое прошлое на дворовой распродаже? Я думаю, литературный герой должен отличаться от реального прототипа: Кулиану был свободолюбивым человеком, как и его герой, но одержимость идеей свободы, "абсолютной свободы", выходящей за пределы собственной интеллектуально тюрьмы", в возможность которой он верил, у него, очевидно, преобладала над страхом смерти.

В 1979 г. в одном из писем к М. Элиаде Кулиану писал: «У меня нет, к сожалению, никаких иллюзий на тот счет, что "свобода" сегодня где бы то ни было в мире не является чистой химерой. Мне кажется, Вы думаете, что социалистический режим в Румынии сегодня – неизбежное проклятие. Вы полагаете, что этого нельзя изменить... Но я думаю, что мы являемся свидетелями очень интересного явления... которое, возможно, могло бы привести к "подъему сознания", как бы сказал Вебер. Верно, что внутренняя история Румынии всегда определялась извне: это то, что сделал Союз, и то, что случилось в 1877 и в 1919, когда мирный договор уже был подписан в Буффе. Мы лишь однажды испытали "рост сознания" ... – тот, что произошел в период между этими двумя войнами, но он так и не "набрал большой скорости"! ...Но что такое "абсолютная свобода"? Я простой интерпретатор, и мне приходится метаться между множеством гипотез:

1. Свобода возможна лишь в пределах сферы искусства. Но если дело обстоит таким образом, абсолютной свободы не может быть никогда.

2. Свобода возможна лишь тогда, когда найдены новые сферы сознания. Этот тезис поддерживается многими американскими группами (Consciousness III и их теоретиками), которые, точно так же, как янсенисты²¹, верят, что, если они встанут на этот путь, то выиграют "войну" с "плохими парнями", просто применив свою мистическую силу, когда те придут их "съесть".

3. Свобода возможна только в момент, когда активизирована определенная зона воображения, которая даст импульс к спонтанному существованию... Эта третья гипотеза включает две прежние.

4. Абсолютная свобода означает, что она возможна лишь в невероятных условиях. Но... ее можно достичь посредством веры (веры в одну из традиционных религий или в любую другую доктрину об ином мире)» (*Eliade, Couliano* 2004. Letter 65. May 17, 1979).

Примечания

¹ Тед Энтон – профессор Университета им. Винсента де Поля (De Paul University) в Чикаго.

² Ставшая бестселлером в США, она впоследствии была переведена на итальянский, немецкий и румынский языки.

³ Мне удалось обнаружить лишь переведенный на русский язык словарь по религиям (*Eliade, Couliano* 1990 – *Элиаде, Кулиану* 1997), написанный в соавторстве с М. Элиаде, и поэтому, очевидно, удостоившийся внимания издателей.

⁴ Книга была переведена на английский (1987), румынский (1994), итальянский (1995), испанский (1999) языки.

⁵ "Техники экстаза..." (*Couliano* 1984b) переведена и издана в Италии в 1986 г., "Исследования западного дуализма..." (*Idem* 1986) – в 1989 г.

⁶ В Румынии она переиздавалась в 1995, 1998 (București: Nemira) и в 2004 (Iasi: Polirom) годах.

⁷ Из письма Элиаде Кулиану от 3 марта 1983 г. (*Eliade, Couliano* 2004: Letter 92).

⁸ Джулио Чезаре Эвола (1898–1974) – итальянский мыслитель, эзотерик и писатель, выходец из аристократической сицилийской семьи. Артиллерийский офицер в Первую мировую войну, он позднее стал одним из ведущих лидеров дадаистов в Италии, увлекся оккультизмом. Учения

Эвола основывается на противопоставлении современному профанному миру сакрального мира традиции. Он превозносил особый тип человека, внутренне принадлежащего к миру традиции, но вынужденного внешне пребывать в антитрадиционном и десакрализованном мире. В период правления Муссолини Эвола не пострадал, хотя часто критиковал фашистский режим. В автобиографии он пишет, что не знал о том, что нацисты уничтожали евреев, а если бы знал, то "не одобрил бы этого". Тем не менее во время Второй мировой войны он вызвался поработать на Германию, переводя масонские документы, и в 1951 г. был арестован за "содействие фашистам".

⁹ А. Донини, занимавшийся историей христианства и обратившийся позднее к догматическому марксизму, был известной политической фигурой в Италии. Преданный Москве коммунист, каким его считали, Донини в 1949–1950 гг. пытался препятствовать публикации работ Элиаде в Италии, распространя обвинительные в адрес последнего слухи, источником которых являлось румынское посольство. И позднее его суждения относительно Элиаде основывались на недостоверных и сомнительных источниках.

¹⁰ Диссертация "Religiosità cosmica e cultura tradizionale nel pensiero di Mircea Eliade, 1972–1973", защищенная в Туринском университете, не была опубликована, но в 1982 г. Р. Сканыо опубликовал в Турине другую свою работу – "Свобода и террор в истории. Происхождение и значение антиисторизма Мирчи Элиаде" (*Scagno* 1982).

¹¹ В 1974 г. Элиаде встретил Сканыё в университете в Яссах, где тот преподавал итальянский язык. Позднее в одном из своих опубликованных "Дневников" ("Journal") он напишет: "Я признался ему, что обычно мне очень трудно читать такие работы. Когда меня хорошо понимают, мне нечего добавить; когда не понимают – что я могу еще добавить?"

¹² Нае Йонеску – учитель Элиаде, профессор, один из первых представителей интеллектуальной элиты, поддержавших К. Кодряну.

¹³ Позднее была переведена и издана во Франции (1990), в США (1992).

¹⁴ Эти идеи подвигли его на создание в 1990 г. специального журнала "Incognita", где публиковались работы, базирующиеся на синтезе исторических и филологических наук, эпистемологии и когнитивистики. Журнал прекратил свое существование после смерти Кулиану. В 1990–1991 гг. вышло четыре его выпуска.

¹⁵ Этот случай, как подтверждение оккультного мироощущения Кулиану, упоминается в книге Т. Энтона (*Anton* 1996: 119), а также в рецензии на нее Клер Фангер, где дается иная интерпретация события (*Fanger* 2000: 109–111).

¹⁶ "Exquisite Corpse" – журнал румынской эмигрантской интеллигенции в США, основан писателем А. Кудреску.

¹⁷ Фрактал (от лат. *fractus*, букв. "состоящий из фрагментов") – структура, состоящая из частей, в каком-то смысле подобных целому.

¹⁸ Кулиану жил в таком же доме в Чикагском Гайд-парке, где находится озеро.

¹⁹ Недавно я обнаружила в Интернете сайт одной известной прорицательницы, которая опубликовала свое "интервью" с духом Кулиану, где последний предстает мессией, посланным на землю примерно с той же целью, что и Иисус.

²⁰ Подробнее о преступлении и его расследовании см. в полной версии статьи на сайте журнала "Этнографическое обозрение".

Литература

Элиаде, Кулиану 1997 – Элиаде М., Кулиану И. Словарь религий, обрядов и верований. М.: Рудомино (СПб.: Университетская книга), 1997.

Anton 1992 – Anton T. The Killing of Professor Culianu // *Lingua Franca*. 1992. Vol. 2. № 6. Sept. – Oct.

Anton 1996 – Anton T. Eros, Magic and the Murder of Professor Culianu. Northwestern University Press, 1996.

Casadio 1993 – Casadio G. Ioan Petru Culianu (1950–1991) // *Manichaean Studies Newsletters*, 1993. P. 4–15.

Ciurtin 2005 – Ciurtin E. Culianu, Joan Petru // *Encyclopedia of Religion*. 2-ed. Vol. 3. USA: Thomson Gale, 2005. P. 2079–2081.

- Couliano* 1984a – *Couliano J.P.* Éros et Magie a la Renaissance. 1484. P.: Flammarion, 1984.
- Couliano* 1984b – *Couliano J.P.* Expériences de l'extase: Extase, ascension et récit visionnaire de l'hellénisme au Moyen Age. P.: Payot, 1984.
- Couliano* 1986 – *Couliano J.P.* Recherches sur les dualismes d'Occident: Analyse de leurs principaux mythes. Lille: Lille-Thèses, 1986.
- Culianu* 1978 – *Culianu J.P.* Mircea Eliade. Italy: Assisi: Cittadella Editrice, 1978.
- Culianu* 1983 – *Culianu J.P.* Psychanodia I. A Survey of the Evidence Concerning the Ascension of the Soul and Its Relevance. Leiden: Brill, 1983.
- Culianu* 1985 – *Culianu J.P.* Gnosticismo e pensiero moderno: Hans Jonas. Roma: L'Erma, 1985.
- Culianu* 1987 – *Culianu I.P.* Eros and Magic in the Renaissance. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Culianu* 1989 – *Culianu J.P.* I miti dei dualismi occidentali. Milano, 1989.
- Culianu* 1990 – *Culianu J.P.* Jormania liberă // Agora. 1990. Vol. III. № 2. Juli. P. 215–219.
- Culianu* 1991 – *Culianu I.P.* Out of This World: Other-worldly Journeys from Gilgamesh to Albert Einstein. Boston, 1991.
- Culianu* 1998 – *Culianu I.P.* Mircea Eliade. Buc.: Nemira, 1998.
- Crowley* 1996 – *Crowley J.* Forces of Darkness // The Washington Post. 1996. October 20.
- Donini* 1977 – *Donini A.* Fenomenologia della religione // Enciclopedia delle religioni. Milano: Teti Editore, 1977.
- Eliade* 1969 – *Eliade M.* Un om mare (A Great Man) // Fantastic Tales / Transl. by Eric Tappe. L.: Dilon's, 1969. P. 1199–1203.
- Eliade* 1971 – *Eliade M.* Noaptea de Sanziene. Vol. I–II. P.: Ioan Cusa, 1971.
- Eliade* 1990 – *Eliade M.* Journal IV, 1979–1985. USA: University of Chicago Press, 1990.
- Eliade, Couliano* 1990 – *Eliade M., Couliano I.P.* Dictionnaire des Religions. P.: Plon, 1990.
- Eliade, Couliano* 2004 – The correspondence between Mircea Eliade and Ioan Petru Culianu // *Archaevs*. 2004. Issue VIII (1–4).
- Enciclopedia* 1976 – *Enciclopedia Europea*. Milano: Garzanti, 1976.
- Fanger* 2000 – *Fanger C.* Ted Anton. Eros, Magic, and the Murder of Professor Culianu // *Esoterica*. 2000. Vol. II. P. 107–113.
- Filippini* 1979 – *Filippini E.* Quando Liala incontra Julius Evola // *La Repubblica*. 1979. № 4.
- Jesi* 1979 – *Jesi F.* Cultura di destra. Milano: Garzanti, 1979.
- NYT* 1993 – Scholar's Death Remains a Mystery // *The New York Times*. 1993. Jan. 17.
- Scagno* 1982 – *Scagno R.* Liberta e terrore della storia. Genesi e significato dell'antistoricismo di Mircea Eliade. Torino: Print centro copyrid, 1982.
- Smith* 1992 – *Smith L.* Mind Games: A Guide to Scholarship of Joan Culianu // *Lingua Franca*. 1992. № 6. Sept. – Oct.

O.V. Gorshunova. Terra Incognita of Ioan Culianu.

The article introduces to the Russian reader the work and career of Ioan Culianu (1950–1991), a talented Romanian scholar and student of Mircea Eliade. The life of Culianu was full of mystery, as was his death at the age of 41 in University of Chicago's Divinity School, where he had worked for the last five years of his life. Drawing on a range of materials from Culianu's own correspondence to various interviews with currently practicing scholars, the author presents a contradictory picture of the terra incognita that awaits the reader in Culianu's life and work.